

Анна Бабина

Жена Дракона

18+

Анна Бабина

Жена Дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43126463

SelfPub; 2020

Аннотация

«Мы из поколения принцесс, которые сами побеждают драконов...» Однажды Екатерине удаётся сбежать от жестокого и коварного Дракона, но вот беда – он крадёт за ней по пятам, чтобы забрать похищенное ею сокровище. Нет, это не фэнтези. Это история о семейном насилии и кошмарах, которые творятся за закрытыми дверями, а также о любви, надежде и обретении себя. Это повесть о женщинах – хрупких и смелых, отчаянных и осмелившихся. В оформлении обложки использована фотография А. Калининой.

Жена Дракона

1

После недели проливных дождей на Петербург хлынуло солнце. Оно жарко горело на куполах Оптиного подворья и масляными бликами растекалось по Неве. С раннего утра над крышами и тротуарами колыхалось душное марево. Воздух прилипал к лицу, как мокрый платок. Вокруг чёрных боков ледокола “Красин” широкая река напоминала мелководе провинциального затона. В зеленоватой глубине призрачно колыхались водоросли, от воды исходил едкий огуречный запах.

Одинокий Рыболов с кирпично-красным лицом бродяги – седой, неопрятный и проспиртованный – хлестко забросил удочку. Несмотря на жару, он был в поношенном пиджаке и плотных брюках неопределённого цвета. Убедившись, что крючок с наживкой ушёл под воду, Рыболов удовлетворённо крикнул и огляделся.

На набережной в этот час не было никого, кроме него и женщины, застывшей возле парапета в странной позе – спина согнута, голова ушла в плечи. Издали она казалась сломанной пополам.

Рыболов никогда не приставал к людям с разговорами. Даже крепко выпив, он не лез к собутыльнику в рюмочной, а терпеливо ждал, чтобы тот обратился к нему первым. Но

что-то в облике этой женщины настораживало и пугало, и, прокашлявшись, он негромко окликнул:

– Сударыня...

Она даже не шелохнулась. Рыболов терпеть не мог обращений «девушка» или «женщина». Они казались ему почти оскорбительными. Слово «товарищ» по отношению звучало как-то старорежимно, «госпожа» – выпренно, а к «даме» просто обязан прилагаться южный провинциальный говорок. Оставалось одно.

– Гражданка...

С этим словом женщина себя ассоциировала. Просевшие плечи дрогнули, расправляясь, как крылья, растрёпанная голова нехотя повернулась к нему. Она оказалась моложе, чем могло показаться со спины, но на простоватом лице застыло выражение такого отчаяния и муки, что вопрос костью застрял в горле Рыболова. Женщина мазнула затравленным взглядом по его лицу и быстро пошла прочь.

Дракон

Море отливало бутылочной зеленью. По беспокойной поверхности воды носились грязно-белые барашки вперемешку с водорослями, песком и щепой. Утёс упирался в низкое клочущее небо, как ревматический старушечий палец. От пейзажа веяло скучным загробным покоем. Ни одна яркая деталь, казалось, не нарушала его суровой монотонности. И

только на вершине утёса трепыхалось что-то сочное и чужеродное, словно лоскут ткани, которым древний бог-зизждитель утёр лоб, закончив сотворение неуютного жестокого мира.

На вершине утеса лежала девушка. Штормовым утром в день совершеннолетия краснолицые дородные бабы приволокли её сюда, на вершину и бросили среди камней и болезненного голубоватого мха. После ловко стреножили, как жеребёнка, расправили узорчатое платье, загоготали и заплакали вразнобой, а потом оставили. Нет, не умирать. Хуже.

Холода и жесткости скальных рёбер, как и хлёстких ударов ветра, и медных соленых брызг на лице, она почти не чувствовала. Разум, оглушенный крепкой можжевеловой настойкой и ледящим страхом, был мутнее морской воды в разгар шторма. Она ждала своей участи, потому что верить разучилась давно, а надеяться – в ту самую минуту, когда Совет выбрал очередной невестой старшую дочь слепой и выжившей из ума старухи. Когда её, обезумевшую от ужаса, волокли из избы, а в роскошное венчалное платье одновременно вцепились три пары худеньких ручонок.

Всё случилось внезапно. Чёрные крылья, выпроставшись из облаков, взметнули песок и брызги. Когтистые лапы ухватили крепко, почти больно. От ужаса она зажмурилась и почувствовала, как отрывается от холодной скалы и ныряет в терпкий морской воздух. Крылья хлопнули над головой, как влажная простыня на ветру. В эту самую минуту отчаянная

надежда ударила, заставив содрогнуться: а что, если он пощадит?

Лучше бы её не было, этой надежды.

2

Когда-то Катя Мышкина любила суровую уральскую зиму. Снег крахмалисто пел под валенками и полозьями санок, гроздь рябины стыли во льду, как в хрустальных бокалах. Отражаясь от наста, зимнее солнце слепило до слёз.

Папа бежал впереди на лыжах – молодой, весёлый и ловкий. Когда он стаскивал лыжную шапочку, в иссиня-чёрных волосах блестели снежинки, а не седина. Мама улыбалась и махала им красной узорчатой варежкой...

Здесь всё было по-другому. Влажный морской воздух делал мороз нестерпимым. Выйдя зимним утром во двор, она судорожно хватала ртом воздух, как рыба на песке. Крыши щетинились мелкими сосульками, острыми, как акульи зубы. Узкие прямые улицы, нарисованные по линейке императора, тонули в грязных сугробах. Метель неслась по тротуару, как коварное морское течение, вливалась в подворотни и крутилась там в ведьминой пляске. Вдоль домов протаптывали узкие тропинки, но с крыш со скрежетом и свистом срывались куски льда, норовя проломить голову зазевавшемуся прохожему. Остров, казалось, застрял в далёкой и страшной блокадной зиме.

Про блокаду Катя узнала от папиной сестры тёти Зои. Мысленно возвращаясь в прошлое, она говорила медленно и тихо, словно давая собеседнику время оборвать страшный рассказ на полуслове. Её голос в такие минуты звучал влажно и глухо. Она была старше отца на двенадцать лет, но выглядела, как его мать. В сущности она и была ею – после смерти родителей Зоя стала для него всем. Отец чувствовал себя виноватым перед одинокой сестрой: он женился и остался на Урале, покуда не старая ещё Зоя доживала свой печальный век в квартире на Васильевском острове.

Катину бабушку по отцу звали Хельга Байер. Её родители происходили из поволжских немцев, но вскоре после революции перебрались в Петроград. Мать Хельги, практичная и мудрая женщина, ещё до начала репрессий «подправила» документы. Благодаря её стараниям они сделались Баевыми, но в конце тридцатых по доносу родители оказались в Казахстане, а она – теперь уже Ольга Свиридова, жена светила военной медицины – осталась в Ленинграде.

Возможно, «карающая длань пролетарского государства» прихлопнула бы и Ольгу, не оставив мокрого места, но началась война. То, что могло окончательно погубить этническую немку, внезапно спасло её: Свиридовы ушли на фронт. Маленькую Зою оставили в семье близких друзей семьи Абросимовых. Катина тётушка никогда не осуждала мать за это: урожденной Хельге Байер, по её собственным словам, было

мучительно стыдно за народ, присягнувший тьме нацистского режима...

Когда сомкнулось кольцо блокады, Свиридовы перестали получать письма из Ленинграда. В пекле войны Свиридов тщетно пытался разузнать что-то о своей дочери, но даже связи ему не помогли. Весной 1942 года в госпиталь к Ольге попал их ленинградский знакомый. Из письма его жены они узнали, что Абросимов ушёл в ополчение и был убит, а его жена и дети, по слухам, погибли при эвакуации. На глазах у нескольких раненых и санитарки Ольга молча, не меняясь в лице, поднесла ко рту запястье и вцепилась в него зубами. Хлынула кровь. “Я сделала это, чтобы не закричать”, – объяснила она подоспевшему мужу и полковому комиссару.

Правда была в том, что Абросимовы действительно погибли – все. Но Зоя была не Абросимовой, а Свиридовой. Их эшелон разбомбили совсем недалеко от Ленинграда, возле станции Скачково. “Это наши, Зоенька”, – успела прошептать тётя Нина Абросимова, а в следующее мгновение на них обрушился ад. Зою подбросило, скрутило, вдавило в стену теплушки – и она потеряла сознание.

...Им запрещали смотреть, но они всё равно ходили. Деревенские всегда рано привыкают к смерти, а тут ещё война. Они видели тела без ног и ноги без тел. Над головой с клёкотом кружило воронье. Золотушный Генка остановился возле груды тряпья, из которого торчали в беспорядке посиневшие руки и ноги, и вдруг увидел чудо – куклу, у которой голова

была, как у настоящей девочки – блестящая и круглая. Эта кукла настолько не походила на засаленных тряпичных рас-трёпок, которыми играли его сёстры, что он, не испугавшись мертвецов, потянул куклу на себя. Из груди тел раздался то-ненький детский плач. Куклу она так и не отпустила...

Ольга Свиридова узнала о том, что дочь выжила, лишь че-рез год. Как ей дался этот год, не знал никто. Однажды тёт-тя Зоя показала Кате фотографии матери до и после войны. С порыжевших карточек смотрели две совершенно разные женщины.

С острова Рюген, где война для Зоиных родителей закон-чилась, Ольга вернулась беременной. Катин отец появился на свет 1 января 1946 – в первый день первого мирного года.

С первой же встречи с матерью десятилетняя Зоя поняла, что та ей не особенно рада. Десять лет спустя, умирая, отец признался, что Ольга сомневалась в том, что Зоя – её дочь. “Что-то сломалось в ней”, – тяжело произнёс он, задыхаясь. Рак съедал его лёгкие.

Но тогда, в 46-ом, он был счастлив и полон сил. Все они – мама, папа и Зоя – только и знали, что пестовать новорож-дённому. Холодность матери и отстранённость отца больно ранили Зою, но никакой злобы на брата в душе не появилось. Она вставала к нему ночами, кормила его, выдумывала иг-ры... Ольга следила за этим с холодной ревностью и искала поводы отругать и обидеть дочь. Свиридов предпочитал не вмешиваться, только на его столе всё чаще появлялся гра-

фин с водкой.

Зое едва исполнилось двадцать, когда отцу поставили страшный диагноз. Он медленно угасал. Единственное, что утешало, было временное отсутствие боли – в лёгких нет нервных окончаний. Но отец был медиком и знал, что боль явится за ним, когда рак расползётся по всему телу.

Ольга почти не заходила к нему в комнату, словно боясь заразиться. Возле кровати сидела Зоя: читала вслух книги и журналы, гладила высохшие тёмные руки. Он смотрел с благодарностью. Однажды, вернувшись с занятий в институте, Зоя услышала из спальни отца громкий визгливый голос матери. “У тебя есть наградной пистолет, – кричала она. – Неужели нет смелости?” С этими словами Ольга вылетела из комнаты и столкнулась в коридоре с Зоей. Она ничего не сказала, только хлестнула взглядом, но Зоя успела заметить, что глаза матери полны слёз.

Через неделю Зоя обнаружила мать в постели мёртвой. Вокруг, как осколки разорвавшейся гранаты, были разбросаны пустые аптечные пузырьки. Ольга отравилась. На столе лежала записка, написанная маминым аккуратным почерком, который не испортила даже учёба в медицинском: “Только не говори папе”. Отец прожил ещё две недели. Он почти все время пребывал в плену теней, опутанный болью и лекарствами, и Зоя соврала ему, что мама уехала в санаторий.

В двадцать лет на руках у молодой девушки, ещё девчон-

ки, оказался десятилетний брат, которого хотели забрать в детский дом, но Зое через влиятельных отцовских друзей удалось добиться справедливости. Алёшу оставили ей.

Она не только вырастила брата, но и стала прекрасным врачом. Молодые коллеги ходили к ней за советами до последнего дня, и она никогда никому не отказывала. Зою, казалось, обожали все... кроме Катиной мамы.

Мама, разумеется, ничего не говорила вслух, но каждая поездка отца из П. в Петербург оборачивалась скандалом. Повзрослев, Катя поняла, что мама ревновала мужа к золовке. Однажды она крикнула ему, стоящему на пороге: “Иногда мне кажется, что ты не вернёшься!” Мама в принципе не терпела сильных женщин в своём окружении. Она привыкла быть первой всегда и во всём, притягивать взгляды и концентрировать внимание, а тут оказывается, что веснушчатая полная “врачиха из Ленинграда” тоже умеет владеть аудиторией и служить объектом восхищения. Это не мешало маме говорить Кате с каким-то благоговением: “Представляешь, она вырастила папу, как сына. А было ей всего двадцать! Нет, ты можешь себе представить?” Она была совершенно искренна в это мгновение, но через минуту, выйдя за дверь, кричала отцу: “Опять Катьку к Зойке потащишь?” Отец отвечал угрюмо: “Ты же не хочешь видеть её здесь? Да и ей будет некомфортно!” “Конечно, куда уж нам! Тут у нас провинция!”

Катя в ужасе зажимала уши, чтобы не слышать ссоры.

Сердце разрывалось на две половины.

3

Теперь в квартире тёти Зои жила Катя. Это был их дом – её и Танюшкин. По утрам, с трудом выпутываясь из липких кошмаров ночи, она первым делом цеплялась взглядом за трещину в потолке. Эта трещина служила спасательным кругом. Открыв глаза, Катя видела её и понимала, что она дома, в своей неприступной крепости. Разумеется, однажды Дракон найдёт их, но не сегодня, не сейчас. И когда это случится, она будет стоять обеими ногами на земле, на своей территории, а не в драконьем гнезде.

Катя подождала, пока дыхание выровняется, и её перестанет колотить. Футболка намокла от пота, хотя за ночь комната выстыла. К счастью, свои кошмары она никогда не запоминала, но послевкусие тоски и безысходности всякий раз стреноживало её на несколько часов. Катя перевела взгляд с бурой трещины на радужные капельки хрустальной люстры. Солнечный свет заливал комнату, и они переливались в расцветных лучах. Эта люстра стала её первым приобретением для собственного дома. В магазине, подвешенная на проволочных сотах, она казалась произведением искусства, но дома на фоне сероватого потолка растеряла весь свой лоск.

Дракон всегда говорил, что у Кати нет рационального мышления, что она транжира и неумеха. Иногда, конечно,

она давала ему повод так думать, но чаще всего он говорил неправду.

Впервые он соврал в тот злосчастный день, когда они познакомились. “Вы прекрасно выглядите”, – сказал он, уставившись прямо на Катину нижнюю губу, распухшую от простуды и неумело замазанную лиловой помадой. Этот цвет ей совершенно не шёл, лицо выглядело вульгарным и болезненно-бледным. К тому же, в дешёвой парикмахерской Катину голову излишне щедро полили лаком, и волосы на жаре сбились в грязные колтуны. Она выглядела отвратительно, и сама об этом знала.

Зачем она вообще согласилась пойти на эту свадьбу? Лена, которая выходила замуж, не была ей даже подругой, просто когда-то они сидели вместе на парах и хлебали жидкий суп в университетской столовке. Потом их пути разошлись, и вот Лена вдруг решила напомнить о себе приглашением на свадьбу.

Отказаться Катя не смогла, хоть и жила в ту пору особенно скромно: перебивалась репетиторством, платила за съёмную однушку в Крылатском, и едва сводила концы с концами. Почти весь недельный заработок тогда пришлось истратить на свадебный подарок – набор пузатых бокалов из цветного стекла. После развода с первым мужем Катя сильно поправилась, и светло-розовое платье из дешёвой ткани, купленное ради этого случая в Лужниках, делало её

похожей на свинью. За день до свадьбы она умудрилась простудиться – выпила бутылку холодной газировки на жаре. Обливаясь потом в синтетическом платье и с трудом передвигая ноги, она волочила за собой громоздкую коробку с бокалами в мятом бумажном пакете. Так, оглушенная болезненным жаром и горстями таблеток, Катя попала на глаза Дракону.

Всё получилось до невозможности глупо: она никак не могла найти ресторан, где должно было состояться торжество. После регистрации в душином и аляповатом зале Нагатинского ЗАГСа гости расселись по своим машинам и покатали за молодожёнами в Парк Горького, и только Катя, у которой оставалось полторы тысячи рублей до полочки, потащила на другой конец Москвы на метро. День был жаркий, каблучки вязли в асфальте, она едва не теряла сознание: перед глазами плыли чёрные и оранжевые круги. Всерьёз подумывая бросить коробку с бокалами в мусорный контейнер, разорвать ворот платья и вызвать на последние деньги такси, чтобы, наконец, оказаться на диване с чашкой чая, она кружила по незнакомым дворам в поисках нужного адреса.

До начала банкета оставалось пять минут, когда Катя остановилась возле гаражей под липами и разревелась. Она никогда прежде не чувствовала себя такой несчастной и беспомощной. Знать бы тогда, сколько раз ей придётся испытать это чувство в последующие шесть лет...

– Я могу помочь? – спросил он вкрадчиво, появившись буквально из ниоткуда.

Он редко повышал голос. “Отец учил меня, что люди усваивают только то, что говорится спокойно и тихо, Катюша, – объяснял он, улыбаясь и медленно приближая своё лицо к Катиному. – Никогда не кричи. Учись добавлять словам веса, и ты сможешь легко добиваться своего”. Он говорил, и капли холодного пота ползли по спине. Говорил, и она сжимала зубы, чтобы не закричать. Её колотило, как в лихорадке, а он был спокоен и улыбался.

Но в ту минуту, когда Катя стояла в тени деревьев, размазывая по лицу слёзы пополам с дешёвой тушью, казалось, что ангел сошёл с небес, чтобы спасти несчастную дуручку из безвыходной ситуации. У ангела были очень тёмные, почти чёрные, глаза, высокий лоб мыслителя и длинные пальцы музыканта.

– Что-то произошло?

– Я... не могу... найти... банкетный зал... – всхлинула Катя.

– Стоит ли так убиваться?

Улыбка. Дракон очаровал Катю тем, что совершенно не был похож на её бывшего мужа, маменькиного сынка и разиню, который не мог самостоятельно решить пустяковой проблемы вроде оторвавшейся пуговицы. Дракон просто взял её за руку и повёл, как будто ему было заранее известно, какой именно адрес ей нужен. Он был уверен, и его уве-

ренность передалась Кате. Слёзы высохли, и она украдкой пыталась привести в порядок лицо.

– Вы москвичка?

Катя неопределённо мотнула головой – не любила признаваться в том, что приехала с Урала.

– И как вам Москва?

Что-то насторожило Катю в его тоне – всего на одну секунду. Что-то ненормальное было в том, как он читал её, угадывал мысли, движения, даже в том, как он мгновенно подстроился к темпу ходьбы.

– Вы замужем? Где учились? Кем работаете?

Он бросал вопросы, как тяжёлые арабские мячики, не давая возможности прийти в себя и собраться с мыслями. Катя ни на секунду не задумалась о том, что он – совершенно незнакомый мужчина – по-хозяйски держал её за запястье.

–

Вам сюда, – Дракон подвёл Катю к двухэтажному зданию с большими витринами голубого стекла, распахнул перед ней тяжёлую дверь, но руку так и не отпустил.

Катя стояла столбом, соображая, как поскорее и повежливее распрощаться с этим типом.

– Я бы хотел поводить вас по Москве.

У него была странная манера говорить – заунывная, убаюкивающая, как у известного кинорежиссёра. За несколько минут, пока он тащил Катю по дворам к ресторану, она успела проникнуться к нему некоторой симпатией, но

оставлять номер телефона не хотела. Она ощутила холодок в затылке, как в детстве, когда незнакомый дядька обещал показать им котят в подвале соседней пятиэтажки.

“Доверяй первому впечатлению”, – говорила Катина мама. Катя была рационалистом и не верила в интуицию, хотя иногда случались престранные вещи. Мама брала стакан, а она уже знала, что он выскользнет из ее руки и разобьётся. Троюродного брата Вовку с песнями и плясками провозжали в армию, а Катя плакала навзрыд, забившись в угол, потому что была уверена – он не вернётся. Так и случилось: ночью обрушилась стена казармы, и Вовке размогло череп. И после всего этого Катя все ещё считала глупостью доверять чутью. О, как она ошибалась!

– Вы прекрасно выглядите. Оставьте мне номер телефона, – попросил Дракон уже без экивоков, по-прежнему не отпуская её руки.

Кругом были люди, в толпе мелькала серая форменная куртка полицейского, наверное, подними Катя шум, Дракон поспешил бы ретироваться. Но она впала в ступор. Ведь, в конце концов, он не делал ничего плохого.

“Приличные девочки не кричат на улицах, – сидело в голове. – Тем более, никто не собирается причинять тебе вред”. Но в ту минуту она как нельзя лучше понимала девчонок, которые не зовут на помощь, когда их тащат в машину или лесопарк. Они молчат не от шока, им просто стыдно, неудобно кричать. Нам с детства внушают, что подни-

мать шум в общественном месте неприлично. И мы не шумим, пока не станет слишком поздно.

Неожиданное избавление явилось к Кате в лице кудрявой подружки невесты Яны. Вытирая бумажной салфеткой пот с выпуклого загорелого лба, она летела к выходу, то и дело поскользываясь на непривычно высоких каблуках.

– Катька! – крикнула она издали. – Ты спятила? Тебя все обыскались. Давай сюда, срочно!

Рука Дракона разжалась. С улыбкой он пожелал хорошего вечера и испарился. Катя потом так и не могла вспомнить, сказала ему “спасибо” или нет.

Эта история могла бы закончиться там, на пороге банкетного зала, в душистых объятиях Яны. Но Дракон не был похож ни на одного человека, которого она знала.

Дней через пять в Катиной квартире раздался телефонный звонок. Она вернулась с работы, успела проглотить бутерброд и пол-литровку кефира, после чего намеревалась забраться с ногами на продавленный диван и почитать часика два что-нибудь для души.

Но не успела она зажечь торшер, как затарахтел домашний телефон. Домой в ту пору уже почти не звонили, у всех были сотовые, лишь изредка объявлялись друзья умершей матери квартирной хозяйки или телефонная служба напоминала о необходимости внести ежемесячный платёж. Кати могло не оказаться дома, она могла не ответить на звонок или попросту не успеть поднять трубку. Но она успела.

—
Алло!

Катя собиралась отчеканить что-то вроде: “Нет, Лариса Викторовна умерла, Ирина здесь больше не живёт, если хотите, могу дать новый телефон”. Она даже присела на край тумбы и взяла в руки записную книжку, чтобы продиктовать номер Ирины, но на другом конце провода раздался вкрадчивый голос Дракона:

—
Катенька? А я вас нашёл.

Она вздрогнула. Было в этом что-то пугающее. Некстати вспомнился старый фильм с Бельмондо, где несчастная женщина, выведенная из равновесия звонками маньяка, выбрасывается из окна.

—
Кто это?

—
Надо же, не узнали... А коллеги говорят, что голос у меня особенный, запоминающийся, — он назвал своё имя.

—
Ах да, — понимая, что дальше притворяться бесполезно, Катя затараторила, — я, кажется, забыла поблагодарить...

—
Ваши прелестные глаза сделали это за вас.

Катя прекрасно видела своё отражение в зеркале: полно-

ватая, с расплывшимся овалом лица, крупным деревенским носом и маленькими глазами в окружении белёсых ресниц. Она всегда знала, что не красавица, но то был один из худших периодов в её жизни.

—

Вы давно были в Царицыно?

“Вообще не была”, – едва не вырвалось у неё, но она вовремя осеклась. Нужно поддерживать реноме.

—

Довольно давно, когда только приехала...

И снова промах! В прошлый раз Катя ушла от ответа на вопрос о том, москвичка она или нет. В чём она точно не была сильна, так это в притворстве и создании интересного образа. Она всегда говорила, что думала. Совсем как мама. И всё же маму – такую – папа любил. Почему бы и ей не попробовать быть собой? Разве она, Катя, недостаточно много притворялась, разыгрывая перед первым мужем циничную и нахальную богемную девицу? Впрочем, удавалось ей это не очень хорошо.

4

Таня ещё спала. Даже в младенческом возрасте она была спокойной и редко будила Катю плачем. Наверное, берегла.

Катя спустила ноги на паркетный пол. Папа говорил, что деревянный пол не бывает холодным. Он ошибался. Счита-

ется, что с годами понимаешь правоту родителей, но она всё чаще убеждалась, что они были не правы.

Она держала босые ноги на полу, пока они не покрылись гусиной кожей – хотелось почувствовать, что она в своём доме, а не в драконьем гнезде, где в каждом углу прячутся монстры.

На полу в доме Дракона лежал гладкий линолеум в белый и чёрный ромбик. Сначала он хотел уложить паркет, но вскоре понял, что не хватит ни денег, ни умения, а нанимать рабочих не захотел. “Мужчина должен сам обустроить свой дом!”, – говорил он, загоразживая шкафом пузыри на обоях. Танюшка ползала по брошенному на холодный бетон старому ковру. “В доме, куда мы принесём мою дочь, всё должно быть идеально!”

Стараясь не наступать на скрипучие половицы, Катя прошла на кухню, зажгла одну за другой конфорки на плите и, глядя как качаются на сквозняке васильковые головки, принялась готовить кофе.

Катя говорила себе каждое утро, что с кофеином надо заканчивать, заталкивала банку на самую верхнюю полку, и всё равно по несколько раз в день возвращала банку из ссылки. Это был своеобразный ритуал. Сначала она влезала на табуретку и, балансируя на одной ноге, доставала большую тётушкину турку. Любовно поглаживая крутые медные бока,

Катя ставила её на стол и отмеряла ложечкой молотый кофе. Тётушкина турка проехала с ней немало километров: из Питера на Урал, с Урала в Москву, из Москвы в Питер. Однажды в общежитии её стащили, и Катя, мало надеясь на успех, повесила в кухне трогательное объявление. На следующий день турку – исцарапанную, грязную – подкинули к дверям комнаты. Вмятина на боку образовалась, когда Дракон метнул её в стену.

Родители тщетно пытались отговорить Катю от переезда в Петербург. Им не хотелось отпускать едва оправившуюся после побега из драконьего гнезда дочь с ребёнком в огромный чужой город. К тому же тётушкина квартира за несколько лет обветшала, осыпалась, пропиталась пылью. Катя стёрла руки до кровавых мозолей, приводя в порядок новый дом, который казался чужим и холодным. Однажды, когда папа ушёл за какими-то проводами и трубами, она всласть наплакалась, забившись в угол кухни. Непривычно высокие потолки, неудобная ванная, отделённая от кухни хлипкой перегородкой, и хищный гул газовой колонки нагоняли тоску, но слезы были минутной слабостью. Катя слишком хорошо знала, чего стоит бояться на самом деле. Вернее, не чего, а кого.

Она купила люстру, привезла тётушкину турку, развесила на кухонной стене аляповатые сувенирные тарелочки из трёх мест, где успела побывать в свои тридцать три: Карлов мост, Бранденбургские ворота и Тракайский замок. С Драконом они ни разу не ездили дальше Подмосковья.

“За границу, Катюша, должны ездить те, кто заслужил, понимаешь? Те, кому доступны сокровища мировой культуры, кто понимает прекрасное. Человек должен достаточно развиться для этого, перерасти уровень челночки с Камского рынка. А то получается “пустите Дуньку в Европу”.

Катя одёрнула себя: неужели она не может не думать о Драконе хотя бы пять минут? Она ссылалась на него, как прежде цитировали Ленина и Маркса – к месту и не к месту. “Челночка с Камского рынка” – это он о Маме, преподавателе немецкого языка, кандидате филологических наук, которая в начале девяностых вынуждена была три года торговать спортивными костюмами на китайском рынке. Зачем она только рассказала ему об этом?

Конфорка зашипела и погасла – кофе перелился через край. Катя торопливо сдёрнула турку с плиты, обжигая пальцы. Вместо кофе на дне плескалась коричневая бурда, в основном гуща, которую она, подумав, целиком опрокинула в чашку. Привычно согрела руки о фарфоровые ребра, сделала робкий глоток... Горьковато, но пить можно.

Катя подошла к окну и взглянула на яркое безоблачное небо. Морозно и солнечно, как на Урале. Хороший знак. День должен быть замечательным.

Она улыбнулась и опустила взгляд вниз, на бульвар. Чашка выскользнула из рук и ударилась о подоконник. Кофе

брызнул во все стороны, фарфоровая ручка откололась и жалобно звякнула о чугунный радиатор.

На бульваре стоял Дракон и смотрел прямо на неё.

5

Бежать! Эта мысль пришла в голову первой, и Катя развернулась, чтобы выскочить в коридор, но услышала, как в комнате завоzilась, выбираясь из гнезда одеял, Танюша. Это мгновенно отрезвило. Бежать некуда. Они в осаде.

Пружины Таниной кровати громко заскрипели. “Ребёнку нужен новый матрас”, – машинально подумала Катя и попыталась вцепиться в эту мысль, чтобы вынырнуть из панического болота. Заплатят аванс за дистанционные курсы, и она сможет купить обогреватель, матрас и новые обои для кухни. Самые простые. Без этого никак – придут из органов опеки, а у неё обои в пятнах, и ребёнок спит в толстовке. Решат, что она *плохая мать*. Нельзя быть плохой матерью – Дракон выглядит *слишком хорошим отцом*.

Чёрт! Теперь мозг застрял на этом словосочетании.

“Катюша, родить – это ещё не значит быть матерью. Матерью этой девочке стану я. У меня гораздо больше опыта и, конечно, моя голова не забита ток-шоу и показами мод. Ты стала своего рода инкубатором для моей дочери, дочери Дракона, и спасибо тебе за это большое...”

Чтобы привести мысли в порядок, Катя собрала с пола осколки чашки и промокнула салфетками кофейную лужицу. С бумажных обоев пятна вряд ли отмоются, придётся переклеивать полотнище. Зато можно будет съездить в ИКЕА и купить новую кружку. Катя ни разу в жизни не была в ИКЕА. В П. её так и не построили, а в Москве был Дракон, который бдительно следил, как бы она не потратила пару сотен на *потеху для скудного бабского умишка*. Он держал все деньги у себя, как скупой рыцарь. Однажды она оставила на своей карточке две тысячи, полученные за репетиторство, чтобы купить туфли. Он устроил скандал и потребовал, чтобы ученики переводили деньги на его карту.

Не думать о Драконе! Иначе начнётся паника.

По коридору шлёпала босыми ногами Танюшка, и Кате нужно было спешить навстречу.

—

Доброе утро, зайка. Не ходи босиком – простудишься.

—

Мам, что-то случилось?

—

Ничего, малыш, – пытаясь унять дрожь, ответила Катя, – я разбила старую чашку. Случайно.

—

Мама, ты боишься?

—

Нет, нет, что ты, – затараторила она. – Пойдём умываться?

–

Что-то случилось, – совсем по-взрослому, без вопросительной интонации подытожила Танюша.

Пока девочка возилась в ванной, Катя проверила замки на входной двери и аккуратно выглянула в окно. Дракона не было. Может быть, почудилось? После жизни с таким, как он, у кого хочешь крыша поедет.

–

Сейчас сварю рисовую кашу. С изюмом, – нараспев говорила она, бестолково открывая банки с крупами. – Да где же рис?

И тут грянул звонок – оглушительно, с переливами. Отзвуки, казалось, брызнули в дальние уголки квартиры, раскатились по углам и замерли в ожидании. Катя так отвыкла от этого звука, что сперва не осознала – звонят в дверь.

–

Кто это? – спросила Танюшка испуганным шёпотом. В огромных голубых глазах дрожал ужас.

–

Не знаю, – соврала Катя.

Она не могла знать наверняка, но чувствовала: сразу обдало ледяной волной, и воздух не хотел входить в лёгкие, примерзая к губам.

–

Сиди здесь, – выдавила она и медленно пошла к двери,

уже не выбирая, куда наступить.

Паркетины жалобно кряхтели под ногами. Хотелось, чтобы коридор не кончался, уходил в бесконечность, за горизонт, на небо. Уйти, сбежать *туда*, закончить это всё одним махом, но Таня... Вот и сейчас она молча стоит за спиной в треугольнике света – хрупкая фигурка с опущенными плечами.

Отец настоял на том, чтобы установить массивную железную дверь, но Кате показалось, что от Дракона её отделяет преграда толщиной в лист бумаги. Обычно с лестничной площадки не доносилось ни звука, но теперь ей чудился шелест, похожий на змеиное шипение:

–

Катюша, открой. Твой

ясенёк

пришёл за тобой.

Она сходит с ума. Шёпот ползёт в щели, проникает сквозь стены, вливается в чёрное окошко вентиляции, расчерченное на квадраты, как шоколадная плитка. “Ясенёк” – ласковое белорусское словечко, которым называла Дракона мать в те редкие минуты, когда вообще вспоминала о том, что помимо плана партийной работы у неё, оказывается, есть сын. Дракон *требовал*, чтобы Катя в минуты нежности называла его именно так.

Однажды, забывшись, она назвала его зайчиком. Нет, он

не кричал. Монотонным голосом, словно псалтырь читая, объяснил, что на Руси никогда не использовали названия животных, обращаясь к супругу или ребёнку. Каждое его слово казалось отлитым из презрительного высокомерия. Катя краснела, как школьница у доски, и бормотала что-то в своё оправдание. Закончил отповедь Дракон тем, что назвал её ясочкой.

Никогда эти метры не казались ей такими длинными. Шаг-вдох, шаг-выдох, – напоминала она себе. Только не забывать дышать, иначе утонешь в панике. Шаг-вдох... Коснувшись ладонью прохладного дерматина, она немного успокоилась и замерла, прислушиваясь.

—

Открой дверь. Я пришёл. Мы всегда будем вместе.

Мы всегда будем вместе.

—

Если ты ещё раз позволишь себе замахнуться на меня при нашей дочери...

—

И что ты сделаешь, глупышка?

—

Сниму побои. Пойду в полицию, в опеку, к уполномоченному по правам человека. Я добьюсь, чтобы тебе запретили даже подходить к нам.

—

Это в Америке есть запрет, а у нас — подходи, сколько заблагорассудится. Мы в России, то есть наполовину в Азии. Тебе ли, уралочке (сказал, как змею выплюнул), этого не знать? Жена — собственность мужа, — и он довольно хохотнул.

—

Раньше ты так не говорил.

—

Я раньше так и не думал, Катюша. Ты казалась мне разумной и порядочной, а оказалась эгоистичной истеричкой. Не такой матери я хотел для продолжения своего Рода.

—

Мама, кто там?

Испуганный писк вырвал Катю из оцепенения. И снова брызнул звонок — настойчивый и уверенный. Звонок хозяйина, который пришёл забрать то, что принадлежит ему по праву.

—

Это...

—

Это папа?

—

Да.

Катя шагнула к дочери и опустилась на корточки.

–

Он пришёл за мной? Забрать меня? Он будет тебя бить?

Таню трясло так, что пришлось отнести её в постель и закутать в одеяло.

– Не бойся, моя зайка. Мама с тобой. Сейчас мама приготовит поесть. Мама никому не даст тебя в обиду.

Катя повторяла эти слова, как мантру, шагая по скрипучим половицам в кухню. По пути она посмотрелась в зеркало и испугалась окончательно: солнечный свет, падающий из кухни, высветил серое измождённое лицо женщины с затравленным взглядом, в котором осталось мало человеческого. Ведь ещё вчера, даже сегодня утром она была другой, а сейчас в зеркале отражалась Жена Дракона. Инкубатор. Ясочка. Катюша. Она умоляла родителей и друзей никогда больше не называть ее так. Однажды, когда на детской площадке мужчина позвал дочь по имени – Катюшей, она подхватила Таню и бежала, пока не почувствовала, что вот-вот упадёт. Истеричка чёртова.

Сражение ещё и не начиналось, а она уже чувствовала себя обессиленной и опустошенной. Отчаявшись найти рис, она наскоро приготовила омлет и пошла за дочерью в комнату.

–

Мама, смотри, какое солнышко!

Танюша стояла на подоконнике, облитая ярким зимним солнцем, очерченная по контуру золотом. Катя машинально

отметила, какими тоненькими выглядят дочкины ножки в старых фланелевых штанишках.

Господи, да она же стоит в оконном проёме! *Он* может её увидеть! Уже потом пришло осознание того, что стоять на подоконнике в принципе небезопасно для ребёнка, но для неё тогда не существовало большей опасности, чем он – бывший муж и Танин отец. Дракон.

Она схватила дочь на руки, стащила с подоконника и замерла, чувствуя, как бешено колотится сердце. Каких-то полчаса назад у них обеих была упорядоченная жизнь. Её жизнь. Её дом. Её дочь. А теперь всё это снова принадлежало ему.

–

Нельзя стоять на окне, – бормотала Катя. – Очень опасно...

6

Дракон сидит на подоконнике четырнадцатого этажа с крошечной Танюшей на руках. Мороз, но окно распахнуто настежь, и в бархатной темноте неслышно падает снег. Красота пейзажа за окном делает происходящее каким-то нереальным.

“Это твой мир, Татьяна, – нараспев тянет он. – Это наш мир. Мы – особенные люди, мы драконы, которым нет дела до овец. Мы смотрим на мир сверху вниз”.

Катя, как была, – в пальто и зимних сапогах – ползёт на коленях по бетонному полу. Тонкие колготки порвались, и бетон царапает кожу, но она ничего не чувствует. “Пожалуйста, – умоляет она, – положи Танюшу в кроватку. Ей холодно и страшно. Это опасно. Умоляю тебя”. Слёзы льются по щекам, их неожиданно много, как в индийском кино. Она слишком хорошо понимает, что ему ничего не стоит кануть с девочкой туда, в эту мягкую темноту, которая сомкнётся над их головами.

Катю трясло так, что пришлось сцепить зубы намертво. Больше всего она хотела сейчас оказаться в П. за старым письменным столом, который служил ещё Маме, когда она была школьницей. Закатное солнце рыжим лучом протыкает окно, расчерчивая комнату на тёмные и светлые квадраты. Колеблется лёгкая занавеска. Над столом громоздятся забитые книгами полки, из кресла за ней наблюдает потёртый плюшевый медвежонок с белой пуговицей вместо левого глаза.

Мама заходит в комнату в лёгком полосатом сарафане. На загорелых плечах – белые следы от бретелек. Она заглядывает в тетрадь, одобрительно кивает и ставит на стол блюдце черешни и чашку чая. “Варенье не понесу, – ворчит она. – В прошлый раз ты испачкала ковёр, а чистить пришлось папе. Хочешь варенья – приходи на кухню”. За маминой спиной раскатисто хохочет папа: “Катька, всё варенье съем, ниско-

лечко не оставлю”. Знакомо тикают часы. За окном, как снег, летит тополиный пух...

Кате не следовало уезжать в Петербург. Это была глупая мечта глупой амбициозной девочки: покорить Москву, потом сбежать в Петербург. Когда-то она доказывала своей сильной маме, что тоже может так: наотмашь, по-мужски, без чужой помощи. Доказывала одноклассникам, для которых была дурищей и юродивой, что может устроиться лучше, чем они – с их короткими юбками и голубыми тенями до бровей. Получалось, прямо сказать, неважно.

Но теперь нельзя рубить с плеча: четыре года она отвечает не только за себя, но и за маленькую голубоглазую девочку, которая замерла на краешке кровати, жадно всматриваясь в Катино лицо. Она попыталась сесть на корточки, чтобы приблизить лицо к лицу дочери, но ноги не удержали, и пришлось опуститься на колени.

–

Таня, – начала она, удивляясь тому, как хрипло и незнакомо звучит голос. – Ты помнишь папу?

Девочка отрывисто кивнула головой и показалась Кате удивительно похожей на отца. У дочери были Катины серо-голубые глаза, капризная нижняя губа и широкий носик уточкой, но в остальном – копия Дракона: посадка головы, королевская осанка, широкие жесты, неумение смущаться и проигрывать. Иногда Катя думала о том, что он не так уж безумен, когда твердит о силе своей крови.

—

Понимаешь, папа часто вёл себя нехорошо... Поэтому мы уехали и не живём с ним больше...

—

Я всё понимаю, – перебила Таня, и это прозвучало удивительно взросло, – я помню, мама. Он хотел ударить тебя...

...но не ударил. Иногда Катя думала, что лучше бы он тогда не сдержался. Его остановила Танюша, которая с плачем метнулась к матери, заслоняя собой. Маленькая смелая девочка. И всё же – ударь он Катю, можно было бы составить заявление в полицию или мировой суд – куда там пишут про такое? У неё появились бы доказательства. А так – её слово против его. Против слов его братьев и сестёр, соседей, друзей... “Идеальный отец”, “прекрасный муж”, “обходительный мужчина”, “импозантный”, “солидный”, “интеллигентный”...

Это они о нём. О человеке, который однажды вынес на помойку всю обувь, чтобы она не смогла пойти на занятия. О человеке, который, приблизив своё лицо к Катиному так, что оно расплывалось, шептал нараспев: “Тебе никуда не деться от меня, Катюша. Мы повязаны кровавой клятвой – нашим ребёнком. Ты нужна ей, значит, нужна мне”. Больше всего в ту минуту Кате хотелось потерять сознание, но этого с ней никогда не случилось.

—
Он болен, Танюша.

—
У него головка болит?

—
Да, малышка, да.

Это “да” застряло в горле, как крупная горькая пилюля. Катя пыталась прокашляться, но голос становился только грубее. Не было больше сил смотреть Тани в лицо, и она опустила взгляд на разошедшиеся паркетины. Под кроватью лежала пыль, и Катя мысленно укорила себя за неряшливость. Что угодно, только бы не думать о Драконе. Если нагрянет опека, эта пыль сыграет ему на руку.

—
Он придёт за мной?

Катя хотела ответить, но из горла вырвался беспомощный писк: вот-вот заплачет. Только не на глазах у Тани, она всегда так боится маминых слёз...

—
Да, — прошептала Катя, не отрывая взгляда от пола, — он придёт.

Тишину разорвала очередь дробных нетерпеливых звонков. Катя метнулась к старому телефонному аппарату на бамбуковой подставке. Звонить в полицию, срочно... И замерла, едва приподняв трубку. Что она скажет? Пришёл отец Тани и звонит в дверь? Кто поверит усталой истеричке с си-

няками под глазами и дрожащими руками, глядя на уверенного в себе мужчину в отутюженной рубашке и начищенных до блеска туфлях?

“Ты не умеешь гладить мужские рубашки. Даже удивительно, имея отца военного, позволять своему мужу ходить вот так, – он тряс свежесвыглаженной рубашкой перед её носом. – Ты удивительно не устроена в быту, Катюша. Такое воспитание можно было бы дать принцессе или, на худой конец, купеческой дочке с армией слуг, но никак не женщине, предназначение которой – стать супругой и матерью...”

Трубка выпала из ослабевшей руки. Комната поплыла перед Катиными глазами, и пришлось опереться о стену, чтобы не упасть. От влажной ладони на светлых обоях осталось пятно, похожее на оскаленную рожу. Нельзя терять сознание. Нельзя. Она добралась до кровати и рухнула на матрас рядом с дочерью.

–

Мама? – в Танином голосе зазвучали истерические нотки.

–

Всё хорошо, малышка, – прошептала Катя, – две минуты, я встану, и пойдём пить какао.

Две минуты превратились в полчаса, а Катя всё лежала поперёк кровати, не в силах встать. Танюша застыла столби-

ком, как испуганный зайчонок.

—

Чего ты боишься? – с притворной бодростью выдавила Катя. – Всё будет хорошо.

—

Папа заберёт меня?

Сделав нечеловеческое усилие, Катя села и притянула Татьяну голову к груди. Девочка, казалось, вот-вот зазвенит, как натянутая струна; волосы на затылке стояли дыбом. Катя машинально стала растирать ледяные ладошки.

—

Что ты, малыш, разве мама тебя отдаст?

“Да я лучше умру!”

7

“ – Уважаемый суд, я прошу оставить несовершеннолетнюю Татьяну со мной, прежде всего, в интересах ребёнка. Моя бывшая супруга Екатерина – безответственное, безвольное и истеричное порождение нездоровой родительской любви и общества потребления. Её интересы не простираются дальше болтовни с подругами и просмотра ток-шоу. Она зашорена, закомплексована и эгоистична. Когда мы состояли в браке, у меня были подозрения, что она имеет отношения на стороне... ”

—

Как ты смеешь, урод! – это Катин папа не выдерживает.

–

Делаю первое и последнее замечание, – сурово говорит судья.

Она смотрит на Катю, как ей кажется, с недовольством и презрением.

– Вот в такой обстановке, – продолжает Дракон, – я существовал, когда осмеливался приехать в это уважаемое, – он выдавливая сухой смешок, – семейство. Кстати, Екатерина, как и её родители, регулярно употребляют спиртные напитки, а бабушка и тётка умерли от алкоголизма...

Катя бросает отчаянный взгляд на отца. Мама сжимает его руку и шёпотом умоляет молчать. Губы у отца плотно сжаты, в глазах – едва сдерживаемая ярость. Хочется плакать.

–

Продолжайте, пожалуйста, – предлагает судья, когда Дракон замолкает, наслаждаясь произведённым этой гнусной ложью эффектом.

–

Я полагаю, что всё это ясно, как день. Я прошу определить место жительства моей любимой дочери, прямой наследницы одной из знатнейших русских фамилий, всесторонне одарённого и развитого ребёнка, со мной, её отцом, кандидатом наук, автором многочисленных монографий и

статей, имеющим тридцатипятилетний стаж безупречной работы...”

Неожиданно ожил телефон. Он издал хриплую трель, от которой Катя подскочила на месте, а Танюша отпрянула в угол кровати, сверкнув оттуда взглядом затравленного зверёныша. Катя попыталась ободряюще улыбнуться, но губы не слушались, и усмешка вышла кривой.

—

Екатерина Алексеевна?

—

Да, это я.

Ей стоило огромных усилий расцепить зубы, поэтому речь получалась невнятной и замедленной, как будто она только проснулась.

—

Капитан полиции Кравцов Сергей Николаевич. Нам поступило заявление от вашего супруга...

—

Бывшего супруга.

Зачем она это ляпнула? Вышло резко, к тому же язык во рту едва двигался. Точно решит, что она пьяная.

—

Да, простите, бывшего супруга. Говорит, вы насильно удерживаете у себя несовершеннолетнюю дочь Татьяну, и ваш супруг опасается за её здоровье и развитие.

—
А я опасаясь за свою жизнь!

И снова слова вырвались у Кати помимо воли. Она попыталась немного смягчить выпад:

—
Понимаете, много лет я живу в страхе за себя и за...

—
Екатерина Алексеевна, я хотел бы побеседовать с вами обоими вместе. У вас получится прийти в опорный пункт?

Стоять рядом с Драконом, физически ощущая его ярость и ненависть? Стучать зубами от страха, украдкой вытирая потные ладони о жакетик, и думать о том, как бы половчее сбежать и не встретиться с ним на пустынной улице? Да ни за что!

—
У меня дома маленький ребёнок. Один.

—
Тогда мне придётся прийти к вам домой.

—
Пожалуйста. Но Дра... мой бывший супруг порог моего дома не перешагнёт.

Опять ультиматум! Вся в маму – резкая, угловатая, жёсткая, как мужчина. Сколько она видела женщин, которые умеют ослепительно улыбнуться или красиво пустить слезу, когда в этом есть нужда, но так и не научилась этому искусству. В тот единственный раз, когда Катя разревелась в суде, ре-

шение уже вынесли, и она только развлекла людей в битком набитом коридоре, шмыгая распухшим носом и вытирая рукавом красные глаза. Какое уж тут обаяние!

—

Разумеется, это ваше право. Побеседуем на лестничной площадке, — легко согласился участковый. — Спасибо за понимание. Ждите нас минут через сорок.

Трубка ошетибилась гудками. Катя продолжала сжимать её в руке. Таня, закрывшись одеялом до подбородка, смотрела взрослыми полными слёз глазами. Бедная девочка... Как это она умудрилась умудрилась испортить жизнь и ей?

—

Ну что, какао? — наигранно-весело спросила Катя.

Таня мотнула головой и попросила едва слышно:

—

Посиди со мной, мама.

—

Давай читаем. Где-то здесь наша книжка... Книжка, ау?

Катя наклонилась к полированной тумбочке и сделала вид, что ищет книгу, украдкой смахивая слёзы. Реветь нельзя. Не сейчас. У неё сильная позиция. Государство на их стороне. Она уже выиграла в главном, а сейчас только пойдёт на уступки, оставаясь хозяйкой положения.

“Свердловский районный суд города П. решил: в иске отказать, встречные требования удовлетворить, определить

место жительства несовершеннолетней Татьяны с матерью”.

На лице Дракона не дрогнул ни один мускул, только вены на лбу вздулись, как рожки да глаза потемнели. На минуту Кате показалось, что он набросится прямо в зале суда, но нет – только кулаки сжал под столом. Катин адвокат – молоденький, чисто выбритый мальчик с круглым простоватым лицом – с улыбкой тряс её ладонь, как положено по канонам американских сериалов.

Она растерянно, ещё не до конца осознавая победу, обернулась к родителям. Мама, её сильная мама, плакала, спрятав лицо в ладонях. Папа сидел прямой и белый, очень хотел ободряюще улыбнуться, но не мог. Что-то горячее капало на руки – она не сразу поняла, что это слёзы. Всё закончилось.

Хлопнула дверь – Дракон с руганью выскочил в коридор. Выбираясь из-за стола, она поймала взгляд судьи. Та ободряюще улыбнулась и едва заметно кивнула Кате головой.

Из здания суда они выходили в сопровождении приставов, но Дракон уже ускользнул. Вернувшись домой, они обнаружили на коврике у двери траурный венок с надписью “Любимой жене”.

Катя часто представляла эту встречу: она выйдет к Дракону в красивом платье, надушенная, с гордо поднятой головой и снисходительной улыбкой на ярко накрашенных губах.

А теперь, глядя в мутноватое осыпавшееся по краям зеркало, она видела усталую женщину с опухшим от слёз лицом и полными животного страха глазами. Она пригладила щёткой вздыбленную чёлку, умылась холодной водой и припудрила покрасневший кончик носа. Полицейский, может быть, и не поймёт, в каком она состоянии, а вот Дракон – наверняка. Они словно невидимой нитью связаны – до сих пор.

Папа считал Катю красавицей, даже когда она была нескладным угловатым подростком с россыпью розовых прыщей на землисто-бледном лице. Он не уставал повторять, что Катя лучше всех, что разумеется, не было правдой, и она знала об этом. Прежде всего от мамы. Мама всегда рубила с плеча. Она говорила, что женщин ценят за ум и доброту, а не за внешность. По мнению мамы, Катя была “ничего так”, “средненькой”, и иногда даже – “что-то ты сегодня совсем”. Мама, безусловно, любила её, но большинство попыток сделаться привлекательнее считала излишними, если не вульгарными. Она – стройная, высокая, с правильными чертами лица и огромными русалочьими глазами в обрамлении угольно-чёрных ресниц – могла позволить себе такую позицию.

Катя была похожа на отца, и взяла только худшее: тяжёлую фигуру, блеклое, словно выцветшее на солнце, лицо и неровную капризную кожу. В младшей школе из-за неповоротливости и беспомощной мягкотелости к ней пристала

обидная кличка “Тесто”. На школьных групповых фотографиях в окружении подтянутых одноклассниц она выглядела каменной бабой из казахских степей – крупной, налитой, с широкими бёдрами и плечами. Даже за простые девчоночьи хитрости вроде дешёвой туши и блеска для губ с мамой приходилось воевать, не говоря уже о коротких юбках и туфлях на каблуках. Мама выглядела бы прекрасной, вздумай она нарядиться в мешок из-под картошки, поэтому Катю ей было не понять.

В девятом классе Кате не дали сыграть Ахматову на литературном вечере в школе, несмотря на то, что она знала больше всего стихов. “Таких поэтесс не бывает”, – со смехом отмахнулась сухопарая литераторша, утвердив на роль туповатую подлизу из параллельного класса. Из “Теста” её переименовали в “НеАхматову”... Бремя Некрасивой девочки давило на плечи, и она стала сутулиться, носить исключительно тёмное и безразмерное и молчать даже тогда, когда слова рвутся с языка.

В выпускном классе Катя неожиданно похорошела: вытянулась и загорела за лето, светлые – в немецкую бабушку – волосы приобрели золотистый оттенок. Злоязычные девчонки и любители плоских шуток прикусили языки. Перемену заметили все, кроме самой Кати: неловкие заигрывания одноклассников она считала очередным издевательством, попытки затащить в компанию – злым розыгрышем.

Неожиданно встрепенулась мама. Так до конца и не по-

нимая, какую ошибку совершила, она спешила наверстать упущенное: говорила дочери комплименты, дарила красивые вещи и уговаривала сходить куда-нибудь развеяться. Поникшая фигура с книгой в углу дивана пугала. Мама любила шумные компании, внимание и комплименты, хотя сама бы в этом не призналась никогда в жизни.

Катя научилась наслаждаться пребыванием в тени матери. Каждое застолье постепенно становилась галактикой вокруг звезды-мамы. Она умело управляла своей гравитацией: неприятных отдаляла, доброжелательных приближала. Катя порой ловила отражённые лучи маминой славы, но никогда не была им рада.

Дракон быстро понял, как можно воспользоваться всем тем мусором, что неотвязно жил в Катиной голове. Однажды утром, лёжа на продавленном пружинном матрасе посреди съёмной комнатухи (вместо дивана они купили ноутбук), он окинул её внимательным оценивающим взглядом и лениво проговорил:

—

Да, лицом и фигурой ты не вышла.

Это оказалось очень неожиданно и больно после всего того, что он говорил раньше. Катя, почти уверовавшая в то, что она может кому-то понравиться, оказалась застигнутой врасплох и по-девчоночьи горько расплакалась. Глядя в её красное припухшее лицо почти с неприязнью, он ворчливо добавил:

—

С некоторыми вещами, Катюша, стоит смириться. Я люблю тебя такой, какая ты есть, и не требую никакой благодарности.

От этого становилось только больнее. Катя понимала, что мужчина не должен говорить такое женщине, которую, по его словам, он любит, но мёртвые деревья внутри неё неожиданно дали новые побеги: она начала считать Дракона своим благодетелем.

—

Ну-ну, – продолжал он, как ни в чём не бывало поглаживая её по волосам, –

хватит реветь. Когда женщина лишена красоты, у неё больше шансов проявить себя в различных сферах. Меня, кстати, беспокоит, что ты отказалась от идеи об аспирантуре. Преподавательская деятельность хороша для женщины, она позволяет развиваться на профессиональном поприще, расширять кругозор, посвящая достаточное время мужу и ребёнку.

Тут уж Катя не выдержала и вылетела из комнаты, хлопнув дверью. Аспирантура? Как же! А кто станет обеспечивать их, когда он решит уволиться с очередной работы, где на него косо посмотрели? Или она должна работать, учиться, уделять время ему и гипотетическому ребёнку? Чёрта с два! Хватит терпеть. Завтра же она соберёт вещи...

Катя ожидала, что кухня будет свободна: обычно оба соседа рано утром уходили из дома, но Андрей, первокурсник Бауманки, стоял возле плиты, помешивая черенком вилки неаппетитное варево. Обернувшись, он увидел Катю заплаканное лицо.

—

Опять? – с холодным бешенством спросил он. – Катя, хватит терпеть этого уroda. Ты...

—

Это кто здесь урод, Андрюшенька?

Дракон стоял в дверях кухни, криво улыбаясь. Белое, как мел, лицо, трещины вен на лбу. Кате хотелось закричать от ужаса, но язык прилип к гортани.

—

Я тебе и в лицо это скажу, – спокойно отозвался Андрей. – Ты – конченый урод, который позволяет себе...

Договорить он не успел. Катя ждала, что Дракон прыгнет вперёд, надеясь вклинить между мужчинами прежде, чем дело дойдёт до драки, но вместо этого он схватил с тумбочки микроволновую печь и метнул в Андрея.

Печь врезалась в кафельную стену. Осколки плитки брызнули в стороны. Железный корпус с грохотом обрушился на плиту, перевернув кастрюльку. Конфорка зашипела и погасла.

—

Я вызываю полицию, – Андрей шагнул к двери.

Катя повисла на руках Дракона. Её била крупная дрожь. “Миленький, пожалуйста, не надо, не трогай его, не надо...”

—
Давай.

Дракон взял со стола банку с водой и жадно выпил. В коридоре Андрей спокойно говорил с диспетчером. Катя прошла в комнату и легла на матрас лицом вниз.

В отделе полиции ей подсунули объяснения, которые набросал Дракон: в квартире её не было, она ничего не видела и не знает, но Андрей всегда отличался конфликтным характером и неадекватностью. Катя едва вывела внизу свою закорючку – так дрожали руки.

В коридоре она столкнулась с Андреем. Он посмотрел без презрения – с жалостью. Тем же вечером он собрал вещи и уехал.

Больше никто не интересовался Катиным заплаканным лицом.

8

—
Он придёт?

Таня стояла в дверях ванной, склонив голову к плечу. Заметив серую полосу в волосах дочери, Катя догадалась, что дочь лазала под кровать. Она и раньше пряталась, когда Дракон бушевал. Катя взяла расчёску и бережно вычесала пыль

из тёмных волос.

—

Придёт, — она не стала лукавить. — Но с ним будет дядя-полицейский, который не даст нас в обиду.

—

Да? — в голосе девочки прозвучало сомнение.

—

Нам помогут. Они во всём разберутся.

—

Я не хочу к нему.

—

Я понимаю, Танюша. Если нужно, я буду...

От звонка в дверь она вздрогнула и уронила на гулкий кафельный пол расчёску. Таня вырвалась и помчалась в комнату. Катя выпрямилась, положила расчёску на край ванны и пошла к двери.

Она знала, что они придут, но оказалась не готова. В животе перекатывалась, как бильярдный шар, тяжёлая пустота, ноги подламывались, под левой грудью зарождалась колющая боль. “Не умереть бы, — равнодушно, как о чужом человеке, подумала Катя, — иначе Таня достанется Дракону”.

Ледяные негнущиеся пальцы долго не могли справиться со щеколдой. Катя приоткрыла дверь, не снимая цепочки. Первым, кого она увидела, был Дракон. На секунду Катя испугалась, что он пришёл один, а она поверила телефонному звонку человека, представившегося полицейским, но нет —

за спиной Дракона маячила тёмно-синяя форменная куртка.

—

Привет. Мы войдём, – не спрашивая, а утверждая, сказал он и подался вперёд.

—

Минуточку.

Каким-то непостижимым образом полицейский вклинился между Драконом и Катей.

—

Кравцов Сергей Николаевич. Мы говорили с вами по телефону.

Полицейский посмотрел внимательно, но не оценивающе, а, скорее, с доброжелательным любопытством. Катя мельком оглядела его и отвела взгляд. Отчего-то ей стало неловко. Разве он не должен представляться “капитан Кравцов”? А то имя-отчество, как на званом ужине...

“Он – мужчина, значит, по определению на стороне Дракона. Имманентно, – умное словечко из вузовского курса философии неожиданно пришло в голову. – Не позволяй себе думать о нем лучше, чем он заслуживает. Не расслабляйся. Держи оборону”.

—

Екатерина Алексеевна, вы хотели поговорить вне квартиры?

Катя нашла в себе силы кивнуть.

—

Наденьте что-нибудь, здесь холодно.

Это было так неожиданно, что она ещё больше растерялась. Откуда эта забота? Уж не успел ли Дракон “подмазать” полицейского? Пока Катя натягивала куртку, Кравцов стоял в дверях, преграждая путь Дракону: бледное лицо с чёрными провалами глаз мелькало в полумраке за спиной полицейского.

–

Катюша, как здоровье Танюши? – выкрикнул он.

Катя вышла на площадку, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Таня должна знать, что она здесь и никого не пропустит даже ценой своей жизни.

Кравцов обращался к Дракону подчёркнуто вежливо, но в его тоне уже сквозило едва заметное раздражение, которое проявлялось у некоторых людей после длительного общения с ним.

–

Екатерина Алексеевна, ваш супруг... бывший супруг заявляет, что вы не даёте ему видеться с ребёнком. Это так?

–

Я...

“Главное – начать. Проглотить комок в горле. Сдвинуться с мёртвой точки”.

–

Товарищ капитан, позвольте мне, – снова встрял Дракон. – Она украла моего ребёнка. Узурпировала права на

него. Увезла мою Танюшу самым подлым образом, когда я был вынужден уехать на похороны своей матери. Я места себе не находил, искал их повсюду, больницы, морги обзванивал... Чуть не сбрендил.

Как всегда, он начал со лжи. Ему было прекрасно известно, что Катя уехала к родителям: записку она оставила у зеркала в прихожей.

Тем более, что вечером в день их приезда в П. в прихожей заголосил телефон. Катя давно собиралась подарить родителям лёгкую пластиковую трубку, которую можно носить по квартире в кармане, но папа никак не хотел расставаться со старым дисковым аппаратом, на боку которого были выгравированы поздравления с юбилеем от сослуживцев. Телефон надрывался громче трамвайного звонка. Его трели заполняли тесную прихожую, дробно ударялись о стены и катились к дверям комнат, как штормовые волны. Кате казалось, что по зеркалу шла рябь, как по экрану старого телевизора. Мама металась от двери к двери, поворачивая ручки, словно запечатывая их с Танюшкой в безопасных комнатах, густо населённых знакомыми с детства вещами. Они все знали, кто звонил.

Трубку взял отец. Слушая его спокойный, размеренный тон, Катя понемногу успокаивалась, хотя ухо всё же улавливало едва различимую незнакомую ноту в голосе отца. Он волновался. Он, который умел говорить: "Всё будет хорошо"

с такой интонацией, что мир вокруг них с мамой действительно становился лучше. И вот теперь кто-то оказался сильнее. Совсем ненадолго и ненадолго, но – сильнее. И это смертельно испугало Катю.

–

Давайте выслушаем Екатерину Алексеевну.

Катя впервые осмелилась заглянуть в лицо человеку, который сумел перебить Дракона, и тот замолк – это мало кому удавалось на её памяти.

Лицо Кравцова мало отличалось от других мужских лиц, к которым Катя давно и прочно утратила интерес, разве что не выражало усталого равнодушия и тупой озлобленности, которых она насмотрелась достаточно. Он пристально поглядел на Катю, и в карих глазах застыло сожаление. Не жалость, а именно сожаление о том, что ей пришлось пережить. Неужели понял? На несколько секунд стало легче дышать.

Она раскрылась, почти поверила – и тут же захлопнулась, вспомнив лисью мордочку женщины из московской опеки. Катя пришла за советом, а эта лицемерка тем же вечером позвонила матери Дракона. Она думала тогда, что он убьёт, но он всего лишь переколотил половину посуды. “Никому нельзя доверять”, – напомнила себе Катя.

–

Товарищ капитан, – сухо начала она, – судом определено, что Таня... что ребёнок проживает со мной. Мой адво-

кат пояснил мне, что бывший супруг вправе обратиться за определением порядка общения в суд, а до того момента я ничем ему не обязана...

—

Посмотрите, товарищ капитан, — не выдержал Дракон, — какая ярость, какая навязчивость идеи! Это говорит о том, что обида не прошла и вполне возможно, что мы с моей супругой, а я специально не употребляю сочетание “бывшая супруга”, потому что она моя супруга перед богом, ведь у нас общий ребёнок...

—

Тогда ты многоженец! — вырвалось у Кати.

—

Да, у меня трое детей и даже двое внуков, — раздуваясь, как индюк, невозмутимо продолжил он. — Но это свидетельствует лишь о том, что я знаю, как нужно воспитывать детей, имею колоссальный опыт, а моя покойная матушка — заслуженный учитель России...

В какой-то момент в Катином мозгу включился защитный механизм, и она просто перестала слушать.

9

Жаркое лето. Мрачный тёмный зал Савёловского дворца бракосочетания с нелепой советской люстрой и пыльными коврами. Звуки расстроенной арфы. “Катюша, моя стар-

шая дочь Оля выходит замуж, мы должны присутствовать...” Должны. Катя всегда была должна.

Они поздравляли невесту самыми последними под перекрёстным огнём недружелюбных взглядов гостей. Наверное, подумала Катя, они недовольны, что отец невесты взял в жёны ровесницу дочери. Невеста подала ей руку и робко обхватила за плечи, изображая объятия. Когда Дракон попытался обнять дочь, она демонстративно отстранилась. Мать невесты смотрела с нескрываемым презрением. Катя не была уверена, что они сказали друг другу хоть слово за весь день.

Позже, в уборной банкетного зала, первая жена Дракона подошла к Кате. Она была навеселе, растрёпанная, с пятнами красного вина на подоле дорогого платья.

—

Ну, как тебе? – спросила она, наблюдая в зеркало за тем, как Катя красит губы.

—

Очень красивая свадьба, – искренне ответила Катя.

—

Я не о том. Как тебе с ним живётся?

Следовало сказать что-то вроде “не твоё дело”, но она смутилась, как школьница у доски:

—

Да так

... Неплохо.

Их взгляды встретились в зеркале. Бывшая жена Дракона посмотрела с сожалением, как на неизлечимо больную:

—

Он сказал тебе, что лишён родительских прав в отношении Ольги?

—

Нет.

Больше всего Кате хотелось уйти и не возвращаться в зал, а исчезнуть навсегда – сесть в поезд до П. прямо в нелепом синтетическом платье, похожем на полиэтиленовый мешок, и босоножках, в которых удобно только сидеть.

—

Она настояла на том, чтобы пригласить его. Я была против.

—

За что... он лишён прав?

Катя не хотела спрашивать, не хотела верить, не должна была верить... Она чувствовала, что предаёт Дракона, но почему-то была уверена, что эта женщина не лжёт.

—

Когда Оле было полтора года, он угрожал убить её.

—

Что?!

Катя зажала ладонью рот. Надо было зажимать уши, а она – рот, чтобы дослушать это до конца. Ей нужно знать. Потом она спросит его самого, и он ответит: “Конечно же,

Катюша, это неправда, моя бывшая супруга весьма впечатлительна...” Но усталая пьяная женщина смотрела на Катю, и красные блестящие глаза были полны суеверного ужаса. Она видела это наяву, снова переживая самый страшный момент своей жизни.

—

...Оле было полтора годика, — начала она, — и мы отдыхали на даче. Мы с ним, мой отец и Оля. Папа был ректором одного крупного вуза. В тот день я пошла с утра на речку. Было жарко и очень хотелось искупаться. Он, муж, не пошёл со мной — накануне подхватил насморк. На речке я встретила друга детства. Возвращаясь, мы смеялись, дурачились, вспоминали какие-то шуточки... Живя с ним, я почти не виделась с друзьями и знакомыми, поэтому это было... как глоток воздуха. Мы попрощались. Я чмокнула его в щёку. Открыв калитку, я столкнулась с мужем. Он сидел на скамейке в сирени и всё слышал. Ничего не спрашивая, с размаху ударил меня по щеке. Оля — она была с ним — заплакала. На шум вышел папа и сразу понял, в чём дело. Он и раньше недолюбливал мужа, но тогда у него просто... флажок упал. Меня родители ни разу пальцем не тронули, а какой-то мерзавец позволяет себе бить его дочь?! Папа сказал ему убираться прямо сейчас, в чём есть, и большие никогда не показываться ему на глаза. Тогда муж схватил Олю за ноги и закричал, что... — она нервно сглотнула, — разобьёт ей голову об угол дома. Что со мной было... Я упала

на колени, целовала ему ноги, билась, умоляла – он только улыбался и размахивал моим ребёнком, как мешком с мукой. И тогда папа очень спокойно сказал ему, что если с головы Оли хоть волос упадёт, его сгноят его в тюрьме. Он сам лично обеспечит ему такую камеру, где он каждый день будет умолять о расстреле. И только тогда он отпустил Олю... Он ведь, в сущности, трус. Мы, разумеется, развелись. Папа настоял, чтобы лишить его родительских прав. Уголовного дела, правда, так и не случилось – папа не хотел огласки... Послушай меня, дурочка, не вздумай рождать от него детей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.